

Богиня и поэт

18+

Станишевский К.Г.

Кирилл Геннадиевич Станишевский

Богиня и поэт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37396904

SelfPub; 2019

Аннотация

Мистическая пьеса с юмором. Поэт обуреваемый страстью, задаётся вопросами в общении с окружающей средой, в ходе чего с ним начинает вести диалог богиня, с которой у них заплетается незримый роман. Первая часть поэтического цикла, вторая "В поисках сюжета сквозь эпохальное окно", третья "Рассекая рвением любви чертоги жанра или космическая роза". Все изображения на обложках являются произведениями автора.

Богиня и поэт.

Как же смог бы удивить? До невозможности уняться! Каковой сердечной пылкостью любить, чтоб в изгнании скитаться?

Мне не видно, приоткройте занавес сценический, где актёры ещё в роли не вникли, словно полусогнутый зародыш в утробе, ему слышны лишь отголоски зрителей, их сплетни и рассказы резонируя пронизывают стены, застывшие в них росписи.

Раз! И зрелище возникло, наливая жаром паническим кровь, ваши чувства, ваши вольности, и всё мигом сникло, больше нет ничего, лишь аккомпанементы вспыхнули сопровождая вопли новоявленной стихии.

Из-за тьмы мерцает блеск пары глаз и хриплый возглас содрогает кроны: "Я ненасытная хищная морда, хочу изречь не малость толка".

Что же высловить в ответ, каковую ересь, чем сущность сию встрепенуть, чем задеть её произвольность?:

"И как ты здесь в миг грядущий устремившись, очутилось, скользя сквозь кулуары небытия, и не сочти за милость, но диалог возник не зря в просторах рассечённых, ведь кто, откуда и куда, каковы предлоги, неизвестно, эта уместная молва в тот же миг проникла в безызвестность".

Глаза ярчайшие прикрылись, но обнажился образ тот, что некогда явившись облаком проникся светом предо мной и

вымолвил: "Здесь только ты и я, но не быть предрешённости, всё возникает воссиявши, ровно во все стороны от центра отдаляясь, лишь потому, что утопая в нём, всё меняется и всё по новому, жесты творчества пылают".

Ух уж дерзкая молва, должно быть её истоки из предтеч бытия, у самих порогов его логова. Но кто подскажет, коль не этот край, ударяясь о который, уцелеть дано чему-то одному, а может ни тому и ни другому?: "Что есть самая безумная мечта?"

Изверглась в новь молва с буйствующей поточностью перебивая мыслей лад: "Безконечность до сих пор не преодолена! Всё есть вследствие того! Проблема лишь в том, что не по нашей воле.

Мы производная констатация вероятная в эквиваленте с бесконечность, но я бы поменял местами роли,

Сия динамика предстаёт нашим и вселенским производом, изобилующим соучастием осознанным и непредрешённым, вероятность осмысленности осмысленна самой вероятностью, она воплощена текущим воплощением, инертным потоком, но собою в себе же распознанным, как некоей плетущейся сложностью".

– Явиться? – вопрошает незримое.

– Я не понимаю Вас, сей голос мне неведом. – Возник ответ смыслом зыблемым из неоткуда.

– Может ли родиться то, что знает своё рождение? Можно ли понять то, что не предстало пониманием? Лишь законо-

мерность последовательная даёт простор для осознания, но само становление никогда не предрешено. И этого то стоит, сплетений и терний преграждающих полнолунный лик тенями ветвей пред взором.

Как вас похитить, божественность, если порывы жаркого пыла бюрократической лихвой и цепями абстракций оскоплены на уровне звероподобной неврологии?

Не кража, не убийство, тюремная скука за пределами тюрьмы.

– Лучше любоваться издали. Я плохо выношу людей когда они находятся в непосредственной близости, но не всех, лишь тех, что путают заборы с ментальными границами. – Неведомое сущностью существо произрекло.

– Царство лишается восхитительности, это его гибель, это его гной,

Да и я вовсе не людской, и мы не увидимся должно быть. Загадки моих пьес пускай в глуши веков поникнут,

И этот миг пускай утонет в вас, и каждый тот, кто возомнил хоть нечто более постигнутого, распознает тоже тот же час.

– Судя по культивируемым вами образам, вероятно я похожу на нечто, к чему вы внутренне интуитивно стремитесь. Не исключено, что соответствую тому в действительности.

Но образам лучше оставаться виртуализированными, а бытийность и так нами пронизана, что стоит гораздо большего.

– И этот миг пускай в глуши веков возникнет со звоном колокольни резонирующих ласк,

Нет образов, которые я предпочёл бы культивировать,

Картины и рифмы говорят со мной сквозь века, и я про-
никшись диалогом побеспокоил вас.

– Понимаю, прежде чем смогу сказать, это препятствие
между словами и ментальностью.

– Вы любите море? И любите ли вы? Почему всякое бо-
лестное страстями пены морской не обвито?

– Невиданно, немыслимо, непоколебима жизньную стать.

– Даже звезды друг друга разрушают, даже свет во тьме
изогнут,

Он золотом плесканий разорванных себе жизнь у небытия
вымаливает,

Его поспель вспять повёрнута, она разгоняется, но зату-
хая,

Состраданию нет места в любви, оно иссякает когда оке-
аны берегов лишаются,

Так звёзды сияя безмерности отдаются,

Я всё мечтаю стать художником, да времени не нахожу,
эту жизнь рисовать люблю,

Думаю, стоит это делать с натуры,

Явись, богиня, явись!

Вдохновлять мазки живой плотью, пахучей, сочной,

Дабы взыскать в тонах красок соответствие ей.

– Что делать с любовью? – вопрошает летящая мимо души

наивность.

Доносится такой ответ: "Всё само проходит, проходит с жизнью вместе."

— Я не коснулась вас, и вы меня не коснитесь, это не порука, а фарс, и он для меня восхитителен. Скрашивание вечера витиеватыми разговорами, что тоже случается в нашем мире.

— Не те гарцевые площади ныне! Ну что за извилистость линий, нарушение законов ровных помыслов? Плотские эстетизмы, как припадки, вспотели ладони кривые.

— Ужасно!

— Ужас имеет более внушительные признаки.

Думаю, это из той же жестокости сюжетной, любвеобильной и изувечивающей.

Так и воспоминания порой дороже плоти,

Я чаю в дамах много разочарованности, гораздо больше, чем их приверженность любви, они недостаточно любвеобильны были и все покинули меня, как покидает пыль пиджак встряхнувшийся безжалостным хлопком кисти,

И теперь отныне, мой удел Богиня, и вся моя жизнь для неё, вся моя суть её поиск.

Ваши прелести, да ваши только, им сверкать и пениться, как пенятся волны о береговую линию истираясь,

Но в чём выражена та пощада моей природы, коя вам так нестерпимо зрится?

Только губы алые, за них уже убиться.

– Не люблю смерть. Таково безсмертие.

– Смерть абстрактна в восприятии рецепторики благодаря боли,

Наполнение её образа исчисляется потерями и душевными воплями,

Обманчивая форма поведения, но позволяет некоторым выжить.

Что за провинция источается под вами?

– Ад.

– Всё никак туда не доберусь,

Вероятно это не свершится.

– Почему?

– Мне кажется там нечего ловить,

Я не выживу без южной жары.

– А я его люблю так обильно, мой холодный и любимый,

– Не люблю когда в беседах участвуют отсутствующие лица,

Пусть струнами тянутся ваши капризы и пускай сгинет ваш сатана.

– Капризы – это подайте мне эклеров в час ночи, не то шкуру с вас спущу и отдам моим завитым пуделькам.

– Вы настояли, подобно ром пресыщается древесиной в бочке.

– Скорее просто чуть более осветила свою точку зрения.

– Люблю эклеры,

Ваша точка уперлась мне в душу,

Сердце цвести принялось, аж выскакивает пульсом из штанов.

– Много чего люблю, вселенная не знает ни пощады, ни скупости.

– Все мы любим, пока однажды не перестаём.

– Что еще меня ждет?

– Редкостное сочетание,

Ювенильные радости,

Красота и эстетизм чередующейся новой иронией,

Щедроты роскошной жизни, должно быть вознесение и гам.

– Подобно Фрида Кало, она была впрочем не так испорчена культурой.

– Должно быть и я не тот, что портится о буквы или традиции,

Я мало увлечён дисциплинарной этикой, мне предоставлено мысли.

– Мне всего мало, постоянное постижение большего, рост жизни в необъятное.

– Полностью,

Неутомимая жажда вкусить бесконечность.

– Так и запишем в анамнез. Или оставим для некролога.

– Для биографа, био графа.

– Когда я грущу, я всё равно рада, что живая.

– Сожаление об упущенном недостающем, но настигаемом, амбивалентность, шизоидная симптоматика.

– Агорафобия и дереализация, дереализация и агорафобия, метаболизм недотягивается.

– Откуда, поясните. Наркотики? Эндогенные?

– Переживания, сезонный реформатор жизненного цикла.

– Вы украсили мой вечер, я вам благодарен, хочется быть вашим должником, но по-моему это рабство в беспечности.

– Я за свободу роста к далям вышины.

– Я за рабство чувственных порывов, пусть уздой затянуты будут потуже, и погоня коней чёртову дюжину, пускай за края унесут.

И мигом незримо потехи слоняются пусть, небыль преодолевая и тьму пресыщая узорами страсти, прикрасой оков.

У меня бомба в груди, я взрывотехник,

Пламя несётся по катакомбам артерий,

Корневища нисходят ко мне, расцветают ветви,

Мой сок их питает, выходя к кронам наверх,

Выхожу погуляю, растворюсь в бесконечности мыслью.

Свет!

"каково бы я смел,

да не смог,

но выткал,

испещрял,

ещё одна капля эссенции эндокринной"

– Ах да, теперь понятно. – Говорит прохожий голос по местным берегам. Он томный и тяжёлый, молвит обвисшая

сединой скала.

– Непонято, да внятно. – Говорю я во власти разряда.

Самобыт небытия, прости меня! Ведь, как можно разделять отношения с особью противоположной половины рода, словно дружественные или недружественные? Это парадоксальный абсурд. По моему – либо чувства, либо их не существует.

Психологи любят дробить суть вещей до атомов, но не затрагивая внятных основ, и получается, что там уже ничего и не разглядишь толком, сливается мимо по жилам кровь. Дружба с мужскими особями, а женщина, либо моя, либо не моя. Вот и всё!

– Женщина будет с тобой, если ты будешь для неё другом. – Склоняется подальше от сути незримый валун.

– В итоге оказывается, что дружба это нечто неопределённое, аморфное и постоянно капризное, безысходное и лицемерием протискивающееся сквозь боязливость. У меня не было ни разу дружбы с женщиной, только любовь. Дело в том, что пылкое чувство не может следовать в одном векторе, так и звёзды, но бывает, что вследствие слияния двух светил рождается одно и неповторимое, более веское и со вспышками, и таковое полыхает едино не представляя раздвоения никогда более, это вселенская физика, так однажды слилось в яму море, а вселенная когда-то преисполнится тусклыми плотными глыбами, что сбиваясь в массивы начнут излучать гораздо более тяжёлый свет, будет больше

напряжения, тогда и проснутся гиганты новых мер. А бывает, что нет, бедлам, остывающая апатоабулическая заморозь, нехватка центробежности в кинетическом стазисе, динамики завихрения мало.

– Хочу увидеть деревья полыхающие осенним пожаром, чтобы волнами их листвы шуршащей мою непоколебимость сглаживало. Не до любви мне нерушимому.

– Это моя смерть, но не полностью, каждая формация в динамике мер растворяется, мысль за мыслью исчерпывается, действие к действию меняет содержащую его плоть и сущее представляющее для плоти рамкой картины.

– Звучит будто это твоя жизнь, но не полностью, рамки картины гораздо обширней текущей восприимчивости глазного или ментального фокуса, а стало быть стоит расширить таковой. – Резонирует сей тон сквозь каменный скрежет и стон.

– Я умираю опутанный отсутствием встречных чувств, мёртв, но кто б оживил. Я бы чаял да таял в сим, но не встретил самоотверженного жара любви на пути.

– А ты представь, что она рядом. – Каменный треск скрипит.

– Так и не родившись? Кто ты? Тебя нет! Я пьянь и авантюрная гибельность прыгнувшая с морского курса, а ты голос галлюцинирующий невзначай.

– Пьянь и я, моё ментальное зеркало пластично порождает резонанс с твоим гласом и мыслью в такт.

– Не обманывай себя, не обманывай меня, и будет всё, как было, так не будет впредь никогда и поныне. Состояние предсмертное протяжённостью в жизнь.

Спокойной ночи, спи, иначе я тебя пробужу окаменелость позабытая, выпавшая за края восприимчивости биослоёв.

– Мне и так хорошо.

– Рад не видеть. Испорченность умолкшая твоя, ищи бытия или сникни в безмерности заблудших берегов когнитивного края у пропасти.

– Не хочу, и думаю, что мне это не сильно то и надобно в незыблемом покое, мне нравится валяться из воды выглядывая.

– Ты путаешь приоритеты не по своей причине, ведь оперируешь лишь со случившимся в безучастности.

– Кто-то убажает влагой себя веками с места не сдвигаясь, размокает на берегу вечности. Это долгая судьба и в ней всякое довелось видывать.

– Таково святое видится вам?

– Святейшее, меня нет, но ничего и не требуется.

– И здесь ли? И была ли перфорированная рефлённость залежей песка, словно туман пулями просеянный подвывал над золотым блеском смертельных искр с терзаемым их жалами ветром.

– Ну не совсем, святое не позволяет осилить убиение, так что прости, я полежу ещё немного, пушусь в забвение.

– И не новость, и умер бы в твоих осколках, как напослед-

док робость идущая стремглав с обрыва соскальзывая неловко, наполняется мятежами в предвкушении убийственной боли, последней всевышней кары не одолённой собственной данностью.

– Не надо умирать, не надо, это же так прекрасно жить в предвкушении смерти.

– Ну что ты, ну что же. Издыхающий поэт, никто не измерит сие и не сможет.

Избавься от меня пока не поздно, я испорченный блуд из морских пучин, ханыга, заколдырь мнущий тропы местной гавани.

Прости, прости, я тебя предал выпадая из внимания к бы-ли, и словно небыль ищу, да ничего не найти среди нахлынувшего в буйстве делирия.

– Ищи, проси, умоляй, выпادي за край, если требуешь.

– Давай взбодрай молекулы!

– Ледяная вода лучше это делает, с каждой отходящей волной норовлю уснуть, но тутже одёргиваюсь водной свежестью с хлёстким испугом неожиданности, каждый набег повторяет предыдущий и ни разу не находит полного соответствия. Так где же и кто здесь? Вон мера несущая сложила новую траекторию движимую истоком самой вечности. – И с небес осыпается градом с горох, льда безудержный поток.

– И пусть до небыли прорвутся скупые узлы отчаяния сего, чтоб тебя коснувшись непробудным рёвом похваляющей ругани, продеть петлём ещё один узор.

– И пьём сию кровушку раздираемых полотен, словно хищная сущность зубцами кромсает плоть.

– Извини меня говорливого до немоты в окаменелость упёршегося смыслами, ведь здесь так одиноко.

– За что извинить?

– За пьянь, за ругань, за уловки.

– Ладно, но в последний раз, запомни, соизволь вникать в сию поруку.

– И ты продолжай, немая пустота обездвиженности, отсутствие полнящееся мной.

– Я умер навсегда, всё, расход по отдельным кульминациям,

Тебе весело, а я смерть, томный яд, нерушимый ужас, умолкающая в бездне глыба.

– Ужас милостив в моменты несущегося мимохода, и даже превосходителен.

– Это уже живность! Доведётся, увижу во всей красе твою роскошность, коли каменную плоть растоплю, да потечёт лавой красная муть безысходно и парящими дымными смолами развеет скованность души.

– Красный цвет, цвет жизни и буйства, а красота ерунда, затмлённая чувствами явь!

– Полная ерунда, так что уповай на изысканность и чуткость, я проверю, прежде чем пройдут века.

Пышность мысли твоя да будет и в том уверенность, и в том тебя я не выкину из памяти. Бывай!

Приятных сновидений, буйствующий поэт. – Молвит пустота, божественность, любовь и убийственная боль. Но не притворствуется ли?

– Я повержен алкоголем и чувством дрянным! – Неудержимый рвётся крик.

– В другой раз. Спать иди! – камень раздаётся хрустом и скрипом.

– Ветер, чеши мою разнузданную главь, угомонюсь в пору позднюю напоследок, когда навсегда.

Самая высшая точка бытия пестрит всегда здесь, непосредственно, рядом. И ты, пустота до смерти немая, обнажай свою прелесть, пока тебя не узнаю во всеобъемлющей ипостаси. Всё человечество изощрялось, вся жизнь вилась кровавыми струями, рвущейся плотью металась, дабы ты сейчас осмыслял и в сопутствии том внял вопль безрассудный!

– Какую прелесть в сей миг вы понимаете?

– Ты пользуешься моментом и мной! Я тебе дам во всю преисполненность!

Будешь попусту выть в изгнании, как волчица в лунном свету облизывая свой мех трухлявый с золотом полуночи оседающим на него под веющий пыл паров выдыхаемых вслед туману тянущемуся за смещением масс воздушных.

Слушай меня, я для тебя слишком молод, уходи по хорошему в томление безкрайней тиши.

– Да, ты прав, я всегда ведал то до поры той, до какой не был прохожим мимо несущегося вселенского вихря.

– Что за лажа?

– Лужа небесных слёз, солёное море напрямиком из космоса в космос.

– Мне не хватает волнистой ласки шторма в быту, но похоже я обойдусь.

– Я спать хочу! Сколько можно прощаться? Вечность непробудная!

– Спокойной тьмы, ночи, неутомимая обездвиженностью поза, мысленная пустота ветра, дьяволица скалой притворяющаяся, любовь, но не тут и не здесь, словно на вылет сквозной в брачных узах волокшная прелесть, не успеть за которой увидывать силуэт житейский должным образом.

– Прекрасно. Я умолкаю, впереди неограниченная ничем бесконечность.

– Ты меня лучше вылечи безвозвратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.